

ОТ РЕДАКЦИИ

Возмутил Тургенев, да еще и своей биографией! Стремительно ворвалась на наши страницы Александра Луць.

А ведь Луць — это и есть взгляд нового поколения на классику, на тех, кто пытается интерпретировать классику, даже и на тех, кто десятилетиями повизгивает над милым, но не малым чиновничьим корытом о нашей молодежи: мол, они ничего не читают! Вы бы хотели, чтобы они ничего не читали — дебилизация всей страны плюс капитализм — вот нынешняя Рос-

сия! А молодые читают! Читают назло всем обстоятельствам!

«...Настоящая ценность и значимость Тургенева не в его биографии, а в его творчестве, в его книгах», — делает вывод Александра. Тут можно и поспорить! Конечно, без биографии — вернее, без судьбы, — не бывает и творчества...

Спорь, Луць! Читай, Луць! Жги, Луць! Пусть и нас всех возмутит Тургенев!

В № 12 за 2016 год была помещена статья Е. Сазанович о Тургеневе, а мы как раз «проходили» Тургенева на уроках литературы, поэтому статья сразу же привлекла мое внимание. Несомненно, «Отцы и дети» И. С. Тургенева должны входить в список «100 книг, которые потрясли мир», как и его рассказ «Муму». Это, безусловно, шедевры нашей литературы. Однако статья о писателе мне показалась излишне пафосной и какой-то слишком идеализирующей образ Тургенева (да не в обиду автору статьи). А может быть, все дело в том, что мы, сегодняшнее поколение, смотрим на Тургенева немного по-другому.

«Это самое короткое произведение в истории русской литературы. Не стихи, не проза. Не драма, не публицистика. Впрочем, и то, и другое, и третье, и четвертое. А еще — музыка и живопись. Философия и политика. Мука и счастье. Всего три строки. В которых — вся жизнь. Родины. Народа. Культуры».

Автор начинает статью со стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Русский язык», приписывая писателю и его произведению какие-то неестественные черты: и «самое короткое произведение в истории русской литературы», и в них «вся жизнь. Родины. Народа. Культуры» («Умом Россию не понять...»

Ф. И. Тютчева и подобные ему короче, и в них тоже — вся жизнь) и т. д. Смею с автором не согласиться. Мне кажется, это стихотворение — сугубо индивидуальное, личное, даже в какой-то степени интимное. И объясню почему.

Большую часть своей жизни Тургенев находился за границей. Не изгнанник, нет, по своему добровольному желанию, а если быть более точной, то из-за страсти, которую испытывал к Полине Виардо, кстати, замужней женщине, — этакая семья «на троих» (говоря о «шведской» семье, мы негодуем, а о своих Тургеневе, Некрасове (+ Панаевы), Маяковском (+ Брик) и других предпочитаем говорить — «личная трагедия»). Так вот, о заграничье, где услышать родную речь — редкость и счастье, потому-то русский язык «и отрада, и поддержка» (сама бывала за границей и помню, какая волна счастья и радости вдруг накатит, когда в толпе услышишь русскую речь — непередаваемое ощущение!). А отчаяние у писателя оттого, что мать-крепостница, как и отец, недодали в детстве Ивану Сергеевичу любви и ласки, потому что были крепостниками со всеми, даже с родными детьми. Если забыть о содержании поэмы «Мцыри», то словами Лермонтова это звучало бы так: «Я видел у других / Отчизну, дом, друзей, родных, / А у себя не находил / ...милых душ... Тогда, пустых не тратя слез, / В душе я клятву произнес: / Хотя на миг когда-нибудь / Мою пы-

лающую грудь / прижать с тоской к груди другой, / Хотю незнакомой, но родной». И такой «душой» стала Полина Виардо. Она была для него и возлюбленной, и идеалом женщины (хотя, как отмечают современники Тургенева, отнюдь не красивой), она заменила ему мать, потому что отдала Тургеневу те чувства, которые должна отдавать мать своему ребенку и каких в детстве был лишен писатель: жалость, заботу, опеку, нежность, ласку.

«И все же с “сердцем добрым”, “характером не испорченным” от всего сердца и в силу своего характера он ненавидел крепостное право. И дал “аннибаловскую клятву” бороться с ним “до конца”, “никогда не примиряться”. Клятву свою он не нарушил».

Тот факт, что, будучи в зрелом возрасте, самостоятельный уже Тургенев нес свою большую ногами мать по ступенькам в театр, говорит о том, что покорность и беспрекословное подчинение матери, внушенные ему в детстве, напрочь засели в Тургенева на всю жизнь и составляли действительно его личную трагедию. Ненависть к крепостничеству у Тургенева не политическая, как следует из статьи, а сугубо личная. До конца своей жизни он оставался аристократом с потребностью в роскоши — жил на доход от своих же поместий, строил замки за границей, дарил щедрые подарки своей возлюбленной, покрывал долги ее семейства. До «униженных и оскорбленных» ему вряд ли было дело, потому что категорически против фразы «барин, придерживающихся революционных взглядов». Тургенев был просто гуманистом, как и все его друзья на Западе, потому что, как гласит русская поговорка, «с кем поведешься...», но уж революционером — вряд ли. Все, что он сделал, он сказал на весь мир: крепостничество — это зло. Большое зло. Потому что сам это испытал, пережил, от этого был зависим всю жизнь и не мог избавиться. Свою мягкотелость оправдывал этим злом.

«Пацифист по характеру, он уже позднее горячо переживает за Крымскую войну. “Признаюсь, я охотно пожертвовал бы своей правой рукой, лишь бы ни один из вторгшихся к нам врагов... не остался безнаказанным, и если я о чем-нибудь сейчас сожалею, то лишь о том, что я не избрал для себя военного поприща, — быть может, — мне удалось бы пролить свою кровь, защищая родину...”»

Позвольте, пацифист никогда не будет так рассуждать. Призыв наказать всех до единого врагов, при этом будучи готовым пожертвовать свою правую руку (а правая рука для писателя — это все!), — по-моему, это совсем не слова пацифиста. Гуманиста — да, пацифиста — нет. И это не путь к храму литературы, как утверждает автор, наоборот, путь от него — если не будет правой руки, чем писать тогда?

«Кристалльно честный — хотя по жизни у него постоянные судебные разбирательства».

«Кристалльно честный»... А как же скандал с Гончаровым по поводу плагиата? Что бы ни было, но «дыма без огня не бывает», согласно русской поговорке. К «буйству помещика Мценского уезда Ивана Тургенева» хотелось бы присовокупить и незаконнорожденную дочь белошвейки Дуни Прасковью. Тургенев не признал ребенка официально, хотя и взял ее с собой за границу, где передал на попечение Полине Виардо. Дочь аристократа Тургенева, хоть и незаконнорожденная, вынуждена была зарабатывать себе на хлеб шитьем, что послужило причиной стычки между Тургеньевым и Толстым, благо дуэль не состоялась.

«Романтик по натуре, он сражается за реализм в литературе, за ее социальность, народность. И свяжал свою судьбу с самым демократичным изданием — “Современником”».

Автор статьи справедливо заметил, что Тургенев «романтик по натуре, сражается за реализм». Так давайте и мы будем реалистами до конца и не станем придавать облику писателя идеализированных черт. Пусть он будет в нашем сознании таким, каким был на самом деле. Просто будем помнить библейское: «Не судите — да не судимы будете». Он был, он был в нашей литературе, в нашей истории, в нашей культуре, был таким, каким был, каким его породило крепостное право, против которого он направил свое перо: мягко, демократично, гуманно, но отнюдь не по-революционному. Ведь настоящая ценность и значимость Тургенева не в его биографии, а в его творчестве, в его книгах, которые должны занять достойное место в списке «100 книг, которые потрясли мир».